

Чарльз Диккенс

Одержимый, или Сделка с призраком

Перевод с английского
Норы Галь

ФТМ

Рождественские повести

Чарльз Диккенс

**Одержимый, или
сделка с призраком**

«ФТМ»

1848

Диккенс Ч.

Одержимый, или сделка с призраком / Ч. Диккенс — «ФТМ», 1848 — (Рождественские повести)

«Все так говорили. Я далек от утверждения, будто то, что все говорят, непременно правда. Все нередко и ошибаются. Как показывает опыт человечества, эти самые все уже так часто ошибались и порой так не скоро удавалось понять всю глубину их ошибки, что этому авторитету больше не следует доверять. Все могут быть и правы. „Но это не закон“, как говорит призрак Джайлса Скроггинса в известной балладе. Грозное слово „призрак“ будит во мне воспоминания...»

Содержание

Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Чарльз Диккенс

Одержимый, или сделка с призраком

Глава I

Дар принят

Все так говорили.

Я далек от утверждения, будто то, что все говорят, непременно правда. Все нередко и ошибаются. Как показывает опыт человечества, эти самые все уже так часто ошибались и порой так не скоро удавалось понять всю глубину их ошибки, что этому авторитету больше не следует доверять. Все могут быть и правы. «Но это не закон», как говорит призрак Джайлса Скруггинса в известной балладе.

Грозное слово «призрак» будит во мне воспоминания...

Все говорили, что этот человек похож на одержимого. И на сей раз все были правы. Именно так он и выглядел.

Увидав его впалые щеки, его блестящие глаза, глубоко ушедшие в орбиты, всю его фигуру в черном, невыразимо мрачную, хотя ладную и стройную, его тронутые сединой волосы, падающие на лоб и виски подобно спутанным водорослям – словно всю свою жизнь он был одинокой вехой, которую треплет и бьет бездонный людской океан, – кто не сказал бы, что это человек одержимый?

Глядя на него – молчаливого, задумчивого, неизменно скрытного и замкнутого, всегда сумрачного и чуждого веселости, и притом столь рассеянного, словно он постоянно уходил мыслью в далекое прошлое или прислушивался к давно отзвучавшим голосам, кто не сказал бы, что так вести себя может только человек одержимый?

Услыхав его голос, медлительный, глубокий и печальный, чью природную силу и звучность он словно нарочно сдерживал и приглушал, кто не сказал бы, что это голос человека одержимого?

Видя, как он сидит в своей уединенной комнате, то ли библиотеке, то ли лаборатории – ибо, как известно всему свету, он ученый-химик и профессор, к чьим словам прислушиваются изо дня в день толпы учеников, – видя, как он одиноко сидит там зимним вечером в молчаливом окружении колб с химическими веществами, приборов и книг, а тень от прикрытой абажуром лампы, точно исполинский жук, прилепилась на стене, и лишь она одна недвижна среди всех зыбких теней, которые неверное пламя камина отбрасывает от причудливых предметов, наполняющих комнату (иные из этих призрачных силуэтов – отражения стеклянных сосудов с какой-либо жидкостью – трепещут порою в страхе, точно живые твари, знающие, что он властен разложить их на составные части, предать огню и обратить в пар); видя его в этот час, когда дневной труд окончен и он сидит, задумавшись, в кресле, перед багровым пламенем, пляшущим за ржавой каминной решеткой, и шевелит тонкими губами, с которых, однако, не слетает ни звука, точно с безмолвных уст мертвеца, – кто не сказал бы, что, должно быть, и этого человека, и эту комнату посещают привидения?

Кто, отдавшись во власть крылатого воображения, не поверил бы, что все вокруг этого человека отмечено печатью чего-то сверхъестественного и живет он среди призраков?

Жилище его – в заброшенном крыле старинного колледжа – так угрюмо и так напоминает склеп; некогда то было величавое здание, высившееся на открытом месте, ныне оно кажется лишь обветшалой прихотью давно забытых зодчих; закопченное, потемневшее от времени и непогоды, оно стиснуто со всех сторон неудержимо растущим огромным городом, задушено

камнем и кирпичом, словно старый колодец. Прямоугольные дворики колледжа лежат как бы на дне глубоких провалов – среди высоких стен и домов, что за долгие годы выросли по соседству и поднялись куда выше его приземистых труб; вековые деревья осквернены копотью всех окрестных печей, ибо в хмурые ненастные дни дым, не имея сил вытянуться кверху, уdstаивает сползать даже в такие низины; жалкая травка чуть прозябает на этой пропитанной сыростью почве и тщетно силится разрастись хотя бы в подобие настоящих газонов; мощенные дорожки отвыкли от звонкого шума шагов и даже от чьих-либо взоров, – разве что из окна соседнего дома, словно из другого мира, случайно глянет кто-нибудь и с недоумением спросит себя, что это за глухой закоулок; солнечные часы прячутся в углу среди кирпичных стен, куда за сто лет не пробился ни единый солнечный луч; зато этот забытый солнцем уголок облюбовала зима – и снег залеживается тут еще долго после того, как повсюду он сойдет, и злой восточный ветер гудит здесь, точно огромный волчок, когда в других местах все давно уже тихо и спокойно.

Внутри, в самом сердце своем – у камина – обиталище Ученого было такое старое и мрачное, такое ветхое и вместе прочное; так еще крепки источенные червями балки над головой, так плотно сбит потускневший паркет, ступенями спускающийся к широкому камину старого дуба; окруженное и сдавленное со всех сторон наступающим на него огромным городом, оно было, однако, так старомодно, словно принадлежало иному веку, иным нравам и обычаям; такая тишина тут царила и, однако, такое громовое эхо откликалось на далекий человеческий голос или на стук захлопнувшейся двери, что не только в соседних коридорах и пустых комнатах гудело оно, но перекачивалось, ворча и рыча, все дальше и дальше по дому, пока не замирало в духоте забытых подвалов, где столбы низких нормандских сводов уже наполовину ушли в землю.

Жаль, что вы не видели его, когда он сумерничает у себя глухою зимней порой!

Когда воет и свистит пронизывающий ветер и солнце, едва видимое сквозь туман, склоняется к закату. Когда стемнело ровно настолько, что все предметы кажутся огромными и неясными, но не совсем еще расплылись во тьме. Когда тем, кто сидит у огня, в рдеющих углях начинают мерещиться странные лица и чудовищные образы, горы и пропасти, засады и сражения. Когда на улицах гонимые ветром пешеходы почти бегут, низко наклоняя голову. Когда те, кому приходится повернуть навстречу ветру, в испуге останавливаются на углу, ибо колючий снег вдруг залепил им глаза, хоть до сих пор его и не видно было – он падал так редко и уносился по ветру так быстро, что и следа не оставалось на окоченевшей от холода земле. Когда люди наглухо закрывают окна своих домов, сберегая тепло и уют. Когда газовые фонари вспыхивают и на оживленных и на тихих улицах, на которые быстро опускается темнота. Когда прозябший запоздалый пешеход, ускоряя шаг, начинает заглядывать в окна кухонь, где жарко топят печи, и благоухание чужих обедов щекочет ему ноздри, дразня и без того разыгравшийся аппетит.

Когда путники, продрогнув до костей, устало глядят вокруг, на угрюмые леса и рощи, которые шумят и трепещут под порывами ветра. Когда моряков в открытом море, повисших на обледенелых вантах, безжалостно швыряет во все стороны над ревущей пучиной. Когда на скалах и мысах горят огни одиноких недремлющих маяков и застигнутые тьмою морские птицы бьются грудью о стекло их огромных фонарей и падают мертвыми. Когда ребенок, читая при свете камина сказки «Тысячи и одной ночи», дрожит от страха, ибо ему вдруг привиделся злополучный Кассим-баба, разрубленный на куски и подвешенный в Пещере Разбойников; а еще страшнее ему оттого, что скоро его пошлют спать, и придется идти наверх по темной, холодной, нескончаемой лестнице – и как бы не попалась ему там навстречу злая старушонка с клюкой, та самая, что выскакивала из ящика в спальне Торговца Абуды.

Когда в конце деревенских улиц гаснет последний слабый отсвет дня и свод ветвей над головой черен и угрюм. Когда в лесах и парках стволы деревьев, и высокий влажный папорот-

ник, и пропитанный сыростью мох, и груды опавшей листвы тонут в непроглядной тьме. Когда над плотиной, и над болотом, и над рекой встает туман. Когда весело видеть огни в высоких окнах помещичьего дома и в подслеповатых окошках сельских домиков. Когда останавливается мельница, кузнец запирает кузницу, колесник – свою мастерскую, закрываются заставы, плуг и борона брошены в поле, пахарь с упряжкой возвращается домой и бой часов на колокольне звучней и слышнее, чем в полдень, и сегодня уже никто больше не отворит калитку кладбища.

Когда из сумрака повсюду выходят тени, весь день томившиеся в неволе, и собираются толпою, точно призраки на смотр. Когда они грозно встают в каждом углу и, хмурясь, выглядывают из-за каждой приотворенной двери. Когда они – безраздельные хозяева чуланов и коридоров. Когда они пляшут по полу, и по стенам, и по потолку жилой комнаты, пока огонь в камине не разгорелся, и отступают, точно море в час отлива, едва пламя вспыхнет ярче. Когда игра теней странно искажает все привычные домашние предметы и няня обращается в людоедку, деревянная лошадка в чудище, и малыш, которому и смешно и страшно, уже сам себя не узнает – и даже щипцы у очага, кажется ему, больше не щипцы, а великан, он стоит, широко расставив ноги, упершись руками в бока, и, конечно, уже учуял, что тут пахнет человечиною, и готов перемолоть человечьи кости и испечь себе из них хлеб.

Когда те же тени будят у людей постарше иные мысли и показывают им иные картины. Когда они подкрадываются из всех углов, принимая облик тех, кто отошел в прошлое, кто спит в могиле, кто сокрыт в глубокой, глубокой бездне, где вечно бодрствует все то, что могло бы быть, но чего никогда не было.

В эти-то часы Ученый и сидит у камина, глядя в огонь. Пламя то вспыхивает, то почти гаснет, и то скроются, то вновь нахлынут тени. Но он не поднимает глаз; приходят ли тени, уходят ли, он все так же пристально глядит в огонь. Вот когда вам надо бы на него посмотреть.

Вместе с теньями пробуждаются звуки и выползают из потаенных углов по зову сумерек, но оттого лишь становится еще глубже сгустившаяся вокруг него тишина. Ветер чем-то гремит в трубе и то поет, то завывает по всему дому. Вековые деревья за стеною так качаются и гнутся, что одинокий ворчливый старик ворон, не в силах уснуть, снова и снова изъясляет свое недовольство негромким, дремотным, хриплым карканьем. То содрогнется в тиши под ударами ветра окно, то жалобно скрипнет на башенке ржавый флюгер и часы на ней возвестят, что еще четверть часа миновало, то с треском осыплются угли в камине.

Так сидел он однажды вечером, и вдруг его раздумья нарушил стук в дверь.

– Кто там? – откликнулся он. – Войдите!

Нет, разумеется, никто не опирался на спинку его кресла; ничье лицо не склонялось над ним. И конечно, никто не прошел здесь неслышной, скользкой походкой, когда он вдруг вскинул голову и заговорил. Но ведь в комнате нет ни одного зеркала, в котором могла бы на миг отразиться его собственная тень; а между тем Нечто темное прошло и скрылось!

– Боюсь, сэр, – озабоченно проговорил, появляясь на пороге, румяный человек средних лет; он ногою придержал дверь и протиснулся в комнату со своей ношей – деревянным подносом, затем понемногу, осторожно стал отпускать дверь, чтобы она не захлопнулась с шумом, – боюсь, что сегодня ужин сильно запоздал. Но миссис Уильям так часто сбивало с ног...

– Ветром? Да, я слышал, как он разбушевался.

– Ветром, сэр. Еще слава Богу, что она вообще добралась до дому. Да-да. Это все ветер, мистер Редлоу. Ветер.

Он поставил поднос на стол и теперь хлопотал, зажигая лампу и расстилая скатерть. Не dokonчив, кинулся поправлять огонь в камине, потом опять взялся за прежнее занятие. Зажженная лампа и вновь весело запыхавший камин с такой быстротой преобразили комнату, что казалось, отрадная перемена вызвана одним лишь появлением этого бодрого, хлопотливого, румяного человека.

– Видите ли, сэр, стихии всегда заставляют миссис Уильям терять равновесие. Она не в силах с ними совладать.

– Да? – коротко, но добродушно отозвался Редлоу.

– Да, сэр, миссис Уильям может потерять равновесие по причине Земли; к примеру, в прошлое воскресенье, когда было так сыро и скользко, а ее пригласила на чай новая невестка, она хоть и шла пешком, непременно хотела прийти в наиприличнейшем виде, не запачкав платья, потому что она ведь гордая. Миссис Уильям может потерять равновесие по причине Воздуха; так оно случилось раз на Пикхемской ярмарке, когда одна приятельница уговорила ее покачаться на качелях, и на нее они сразу подействовали, как пароход. Миссис Уильям может потерять равновесие по причине Огня; так оно случилось, когда подняли тревогу, будто в доме ее матери пожар, она тогда пробежала две мили в ночном чепце. Миссис Уильям может потерять равновесие по причине Воды; так случилось в Бэттерси, когда ее племянник, Чарли Свиджер-младший, повез ее кататься под мостом, а ему от роду двенадцать лет и он совсем не умеет управляться с лодкой. Но это все стихии. Вот если уберечь миссис Уильям от стихий, тогда-то сила ее духа и покажет себя.

Он умолк, дожидаясь ответа, и в ответ снова слышалось «да?», добродушное, но столь же краткое, как и в первый раз.

– Да, сэр! О да! – сказал мистер Свиджер, все еще занятый приготовлениями к обеду и попутно перечислявший вслух все, что ставил на стол. – То-то оно и есть, сэр. Я и сам всегда это говорю, сэр. Нас, Свиджеров, многое множество!.. Перец... Да вот хотя бы мой отец, сэр, отставной страж и хранитель нашего колледжа, восьмидесяти семи лет от роду. Он доподлинный Свиджер!.. Ложка...

– Это верно, Уильям, – последовал кроткий и рассеянный ответ, когда говоривший снова умолк на минуту.

– Да, сэр, – продолжал мистер Свиджер. – Я всегда это самое и говорю, сэр. Он, можно сказать, ствол нашего древа!.. Хлеб... Далее перед вами его преемник, аз недостойный... Соль... и миссис Уильям, оба Свиджеры... Нож и вилка... Дальше идут мои братья и их семьи, все Свиджеры – мужья с женами, сыновья и дочери. Да еще двоюродные братья, дядья и тетки и всякая другая родня, ближняя и дальняя, и седьмая вода на киселе. Да еще свойственники да сватья... Бокал... Так ведь если все Свиджеры возьмутся за руки, получится хоровод вокруг всей Англии!

Не дождавшись на сей раз никакого ответа от своего погруженного в раздумье слушателя, мистер Уильям подошел поближе и, чтоб заставить его очнуться, будто ненароком стукнул по столу графином. Убедившись, что хитрость удалась, он тотчас продолжал, словно спеша выразить свое горячее согласие;

– Да, сэр! Я и сам всегда это говорю, сэр. Мы с миссис Уильям часто так говорим. «На свете довольно Свиджеров, и незачем нам с тобой подбавлять еще», – говорим мы... Масло... По правде сказать, сэр, что до забот, так мой отец один стоит целого семейства... Соусники... и это только к лучшему, что у нас нет своих детей, хотя миссис Уильям еще и от этого такая тихая. Подавать уже дичь и пюре, сэр? Когда я уходил, миссис Уильям сказала, что через десять минут все будет готово.

– Подавайте, – сказал Ученый, словно пробуждаясь от сна, и начал медленно прохаживаться по комнате.

– Миссис Уильям опять принялась за свое, сэр, – сказал нынешний страж и хранитель колледжа, подогревая у огня тарелку и заслоняя ею лицо от жара. Редлоу остановился посреди комнаты, видимо, заинтересованный.

– Я и сам всегда это говорю, сэр. Она иначе не может! Есть в груди миссис Уильям материнские чувства, которые уж непременно найдут выход.

– А что она такое сделала?

– Да, видите ли, сэр, ведь она вроде как мать всем молодым джентльменам, которые съехались к нам со всех сторон в наше старинное заведение, чтоб послушать ваши лекции... прямо удивительно, до чего накаляется этот самый фаянс в такой мороз! – Он перевернул тарелку и подул на пальцы.

– Ну и что же? – промолвил Редлоу.

– Это самое я и говорю, сэр, – подхватил мистер Уильям, оживленно кивая ему через плечо. – Вот именно, сэр! Наши студенты все до единого любят ее, как родную мать. Всякий день то один, то другой заглядывает в сторожку, и каждому не терпится что-нибудь рассказать миссис Уильям или о чем-нибудь ее попросить. Я слышал, между собою они называют ее просто «Свидж». Но я вам вот что скажу, сэр. Лучше пускай твою фамилию как угодно переименуют, но любя, чем называют тебя по всем правилам, а самого и в грош не ставят! Для чего человеку фамилия? Чтоб знали, кто он есть. А если миссис Уильям знают не просто по фамилии – я хочу сказать, знают по ее достоинствам и доброте душевной, – так Бог с ней, с фамилией, хоть она по-настоящему и Свиджер. Пусть зовут ее Свидж, Видж, Бридж – Господи Боже! Да-да, хоть бридж, хоть покер, преферанс, пасьянс, я даже не против подкидного, если им так больше нравится!

Заканчивая эту тираду, он подошел к столу и поставил, вернее, уронил на него тарелку, перегретую до того, что она обожгла ему пальцы; и в эту самую минуту в комнату вошел предмет его восхвалений, с новым подносом в руках и с фонарем, а за нею следовал почтенного вида седовласый старец.

Миссис Уильям, как и ее супруг, была с виду скромным и простодушным созданием, ее круглые румяные щеки были почти того же цвета, что и форменный жилет мистера Уильяма. Но светлые волосы мистера Уильяма стояли дыбом, устремляясь ввысь, и, казалось, вслед за ними и брови взлетели так высоко, потому и глаза раскрыты во всю ширь в постоянной готовности все видеть и всему изумляться; у миссис же Уильям волнистые темно-каштановые волосы были тщательно приглажены и скромнейшим, аккуратнейшим образом убраны под чистенький, опрятный чепец. Даже темно-серые панталоны мистера Уильяма вздергивались у лодыжек, словно беспокойный характер заставлял их то и дело озиаться по сторонам; у миссис же Уильям ровно ниспадающие до полу юбки в крупных цветах, белых с розовым, под стать ее румянному миловидному лицу, были столь аккуратны и безукоризненно отглажены, словно даже зимний ветер, бушующий за дверями, не в силах был потревожить ни единой их складки. Отвороты фрака на груди мистера Уильяма и его воротник вечно имели такой вид, точно они вот-вот оторвутся и улетят, от ее же гладкого корсажа веяло безмятежным спокойствием, которое послужило бы ей защитой от самых черствых и грубых людей, нуждайся она в защите. Кто был бы столь жесток, чтобы наполнить сердце, бьющееся в этой груди, скорбью, заставить его громко стучать от страха или трепетать от стыда! Кто не почувствовал бы, что этот мир и покой надо охранять, как невинный сон младенца!

– Ты точна, как всегда, Милли, – сказал мистер Уильям и взял у нее из рук поднос. – Как же иначе! Вот и миссис Уильям, сэр! Он сегодня совсем тень тенью, – шепнул он жене, беря у нее поднос. – Уж такой сиротливый и несчастный, я его таким еще не видывал.

Тихая и спокойная до того, что ее присутствие было почти не заметно, Милли бесшумно и неторопливо поставила на стол принесенные блюда; мистер Уильям, немало побегав и посутившись, ухватил наконец один только соусник и держал его наготове.

– А что это в руках у старика? – спросил Редлоу, садясь за свою одинокую трапезу.

– Остролист, сэр, – негромко ответила Милли.

– Вот и я говорю, сэр, – вмешался Уильям, выступая вперед со своим соусником. – Ягодки на нем как раз поспевают в эту пору. Подливка, сэр!

– Еще одно Рождество наступило, еще год прошел! – пробормотал Ученый и тяжело вздохнул. – Длиннее стал бесконечный счет воспоминаний, над которыми мы трудимся и тру-

димся, на горе себе, пока Смерть ленивой рукою все не спутает и не сотрет, не оставив следа... А, это вы, Филипп! – сказал он громче, обращаясь к старику, который стоял поодаль с охапкой глянцевиных ветвей; миссис Уильям спокойно брала у него из рук веточки, неслышно подрезала их ножницами и украшала комнату, а старик свекор с интересом следил за каждым ее движением.

– Мое вам почтение, сэр! – отозвался старик. – Я поздоровался бы и раньше, да ведь, скажу не хвалясь, я знаю ваши привычки, мистер Редлоу, вот и ждал, пока вы сами со мной заговорите. Веселого вам Рождества, сэр, и счастливого Нового года, и еще многих, многих лет. Я и сам прожил их немало – ха-ха! – смело могу и другому пожелать того же. Мне уже восемьдесят семь годков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.